

Левина Лилия Алексеевна

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ И ХРОНОТОПА НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ХИЛАРИ МАНТЕЛ "AN EXPERIMENT IN LOVE"

В статье рассматривается взаимодействие таких категорий художественного текста как элементы структуры повествования – точки зрения и хронотоп – на материале романа британской писательницы Хилари Мантел "An Experiment in Love". Прослежено формирование точек зрения, их влияние друг на друга на протяжении всего повествования под действием времени и пространства как составных категории хронотопа, выделенного М. М. Бахтиным.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/6/27.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (73). С. 95-98. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 821.111-31

Филологические науки

В статье рассматривается взаимодействие таких категорий художественного текста как элементы структуры повествования – точки зрения и хронотоп – на материале романа британской писательницы Хилари Мантел “An Experiment in Love”. Прослежено формирование точек зрения, их влияние друг на друга на протяжении всего повествования под действием времени и пространства как составных категорий хронотопа, выделенного М. М. Бахтиным.

Ключевые слова и фразы: хронотоп; точка зрения; кольцевая структура; метафизический хронотоп; топографический хронотоп; психологический хронотоп.

Левина Лилия Алексеевна*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова**levinasangreal@mail.ru***ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ И ХРОНОТОПА НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ХИЛАРИ МАНТЕЛ “AN EXPERIMENT IN LOVE”[©]**

Художественный текст исследуется с точки зрения изучения языка, авторских особенностей. Немаловажную роль играет и изучение системы его категорий, композиции, особый интерес представляет собой анализ взаимодействия различных уровней художественного текста. В нашем исследовании мы проанализировали взаимосвязь такой категории художественного текста как «хронотоп» [1] с элементами структуры повествования – «точками зрения» [5]. Далее рассмотрим данные понятия.

Согласно В. Шмиду, точка зрения – это «образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу событий» [8]. Исследователь рассматривает объекты и планы точки зрения. Объектами, по его мнению, являются повествуемые события произведения, а планами – внешние и внутренние факторы, относящиеся к разным видам плана, «пространственному» и «идеологическому». Понятие «пространственная точка зрения наблюдателя» необходимо понимать «в собственном первоначальном смысле этого слова» [Там же], то есть в зависимости от того или иного пространственного положения наблюдателя будет зависеть его точка зрения на происходящее событие. Под понятием «идеологическая точка зрения» понимаются факторы, определяющие «субъективное отношение наблюдателя к явлению», это могут быть знания наблюдателя, образ мышления, кругозор [Там же].

Однако в рамках нашего исследования мы будем использовать определение термина «точка зрения», предложенное Н. А. Николиной в ее схеме структуры повествования. Согласно автору точка зрения является ««физическим местом», идеологической ситуацией или практической жизненной ориентацией, с которой связаны описываемые события» [5]. Необходимо пояснить, что точка зрения, таким образом, может принадлежать персонажу, то есть быть его практической жизненной ориентацией и отображать его взгляды на жизнь, жизненную установку, знания, характер. К тому же, точка зрения может выступать как «физическое место» или «идеологическая ситуация» в повествовании. Очень близко к понятию «точка зрения персонажа» стоит термин «аксиологическая позиция», под которым понимаются «нормы, ценности и идеалы» персонажа [2].

Говоря о категории хронотопа, отметим, что впервые оно было введено М. М. Бахтиным. Хронотоп соединяет воедино пространство и время. По мнению М. М. Бахтина, пространство втягивается в течение времени, сюжета, истории. Категория времени раскрывается в пространстве, в то время как пространство приобретает способность измеряться временем. Таким пересечением и слиянием двух категорий характеризуется хронотоп [1].

Категория хронотопа также определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. Поэтому хронотоп в произведении всегда включает в себя ценностный момент, который может быть выделен из целого художественного хронотопа только в абстрактном анализе. [Там же].

На основе анализа пространственно-временных связей в романе П. Х. Тороп выделяет три уровня хронотопа: топографический хронотоп, психологический хронотоп и метафизический хронотоп [6]. «Топографический хронотоп связан с элементами авторской тенденциозности в романе, с узнаваемостью в романе конкретного исторического времени и места, а также событий» [Там же]. В непосредственной близости от топографического хронотопа стоит психологический хронотоп, являющийся хронотопом персонажей. Он генерирован самосознанием персонажей, переходом из одного душевного состояния в другое. Также П. Х. Тороп выделяет метафизический хронотоп, где происходит создание метаязыка. Он говорит о метаязыковом значении слова. В произведении слово связывает уровни сюжета и самосознания, а значит, имеет неразрывную связь с идейным осмыслением всего текста, включая пространство и время. Таким образом, ученый предлагает следующие соответствия: уровень топографического хронотопа – наблюдаемый мир, уровнем психологического хронотопа, согласно П. Х. Торопу, является мир наблюдателей, а метафизическим хронотопом выступает мир, который устанавливает язык описания [Там же].

Рассматривая категорию хронотопа в своих работах, многие авторы пишут о видах и функциях составных хронотопа – времени и пространства [4; 6; 7]. Другими прослеживается взаимосвязь категорий структуры повествования и хронотопа [3]. Однако, на наш взгляд, рассмотрение взаимодействия двух главнейших категорий художественного текста в работах исследователей не является достаточным, что натолкнуло нас на более глубокое рассмотрение проблемы. Отметим, что для нашего исследования мы решили рассматривать категорию структуры повествования не полностью, а только выбрав точку зрения структуры, т.к. она в рамках нашей работы является главенствующим среди всех других элементов данной категории. В качестве материала для исследования мы использовали роман британской писательницы Хилари Мантел “An Experiment in Love”.

Данное произведение необычно структурой хронотопа. И время, и пространство в нем имеют сложную структуру, состоящую из нескольких пластов, которые постоянно чередуются между собой. Повествование ведется от первого лица, а четкая хронологическая линия отсутствует. Время в романе представлено тремя «точками»: раннее детство героини, студенческие годы и настоящее время (момент повествования). Пространство также состоит из трех пунктов: дом героини в ее родном городке на севере Англии, студенческое общежитие в Лондоне и дом, где взрослая героиня живет с мужем, и откуда ведется повествование. Повествование имеет кольцевую структуру, начало и конец его написаны в момент настоящего времени (момент повествования).

Хронотоп детства представлен взаимодействием точек зрения, принадлежащих матери, отцу, подруге повествователя, а также самому повествователю.

В данном примере мы можем увидеть, как точка зрения матери влияет на формирование точки зрения повествователя.

“At eight years old, I wear my hair in ringlets... Each night at seven o'clock my mother brushes my hair and then combs it and then rakes it again with the steel comb... she gets out the curl rags... At the top of each strand she knots a rope. Then round and round we go, tighter and tighter wrapping, myself delirious with pain and rage... I cry out that I want my hair cut off, short like other people's and pinned back with a big black kirby grip or a pink plastic slide, and she utters from between her teeth that I don't know what I want” [9, p. 47-48].

«Когда мне было восемь, у меня были локоны... Каждый вечер в семь часов моя мать подолгу расчесывала мне волосы разными расческами, включая стальной гребень... затем она доставала специальные лоскутки для завивки... К концу каждой пряди волос она привязывала лоскуток и, виток за витком, все сильнее и сильнее закручивались мои волосы. Я сходила с ума от боли и ярости... На мои вопли и крики о том, что я лучше коротко постригусь и зачешу волосы назад, она сквозь зубы отвечала, что я не знаю, чего хочу».

Мы видим, что мать навязывает дочери свои взгляды относительно ухода за волосами, что приводит к тому, что материнская точка зрения формирует точку зрения повествователя «от обратного», девушке совершенно не хотелось перенимать ее жизненных взглядов. Это заставляет ее делать все наоборот в университете наперекор матери, не желая перенимать ее вкус и чувство стиля.

Мы также можем отметить, что точка зрения персонажа зачастую передается повествователем посредством описания его внешности, мы можем убедиться в этом в следующем отрывке, где повествователь (Кармел) описывает цвет глаз матери, наделяя ее такими чертами характера как бескомпромиссность и неуступчивость.

“Her eyes were large and alert, green like green glass, with no yellow or hazel in them; with none of the compromises people have when it comes to green eyes” [Ibidem, p. 9-10].

«Взгляд ее был всегда настроженный, глаза большие, зеленые, как зеленое стекло, ни оттенка карего или еще какого-либо в них нельзя было рассмотреть. Никогда не придешь к компромиссу с теми, кто обладает таким цветом глаз».

Далее плавно перейдем к хронотопу студенчества. Здесь мы рассмотрим взаимодействие точек зрения девушек Линетт, Карины, Кармел и Джулии, проживавших вместе в одном общежитии.

Данное взаимодействие мы предлагаем рассмотреть на примере диалога:

“Lynette pounced on the kettle. ‘Coffee?’

‘Black,’ said Karina. ‘Please.’

‘Who got here first?’ Jule asked.

‘Oh, I did,’ Lynette said absently, stooping into the steam.

‘She left you the best bed, Karina,’ I said. ‘The best desk.’

‘Mm,’ Lynette said. ‘Not much to do, is it, leave someone a bed? Are you going to have your coffee in your coat, Carmel, dear?’

‘A proper mannequin,’ Karina said. ‘Isn't she?’

‘Yes, well, she has the figure for it,’ said Lynette. Her tone, very gently, rebuked Karina's” [Ibidem, p. 58-59].

«Линетт повернулась к чайнику: “Кофе?”

“Черный”, – ответила Карина. “Пожалуйста”.

“Кто приехал сюда первым?” – спросила Джул.

“О, это была я”, – не сразу ответила Линетт, занятая чайником.

“Она оставила тебе лучшую кровать, Карина”, – говорю я ей. “Лучший стол”.

“Мм”, – произнесла Линетт. “Много ли надо, оставить кому-то кровать? Кармел, милая, ты будешь в шубе пить кофе с нами?”.

“Она прям манекенщица, глянь на нее”.

“Да, ее фигура будто создана для этого”, – сказала Линетт. Ее тон, очень нежный, словно осуждал говор Карины».

Линетт «блистает» своей добротой, непринужденностью в общении. Данный персонаж состоит из самых что ни на есть лучших человеческих качеств. Ей противопоставит Карина, они две абсолютные противоположности: социальный статус, происхождение, финансовое положение, характер, манера общения, чувство вкуса, внешность девушек совершенно разные. Взаимодействие этих четырех точек зрения при самой пассивной, принадлежащей Джулии, и самой активной, представленной Линетт, показывает еще в самом начале знакомства девушек их будущее отношение друг к другу: теплое и дружное между Линетт, Джулией и Кармел и враждебное отношение Карины к Линетт, ее закрытость от всех персонажей повествования. Следует также обратить внимание на определенные детали в речи персонажей. Если еще раз рассмотреть отрывок, то можно выявить, например, что Линетт использует в своей речи длинные предложения, по сравнению с Кариной, а также обращение: “Carmel, dear”, что, судя по всему, говорит о ее хорошем воспитании. Повествователь также описывает тон Линетт, используя наречие “gently”, прилагательное от которого – “gentle” – имеет архаичное значение «благородный», что также положительно связано с образом Линетт. Здесь мы можем говорить об оппозиции «устное, социально-характерное – книжное» [5], где происходит контраст между двумя стилями: книжным и разговорным. Когда повествователь говорит о Линетт, то, пусть она и не использует только книжный стиль, но «внедряет» в речь и в описание девушки не только в данном отрывке, но и на протяжении всего повествования, условно говоря, книжные, высокопарные слова. В случае с Кариной повествователь делает все наоборот: предложения в речи персонажа становятся короткими, слова – простыми и разговорными. Также стоит упомянуть о психологическом хронотопе, выделенном П. Х. Торпом [6]. Такие разные точки зрения персонажей Карины и Линетт говорят о совершенно непохожем самосознании девушек, нарастающем конфликте между ними.

Повествование заканчивается гибелью Линетт, в смерти которой виновной оказывается Карина. Не соладав с завистью к девушке, она решает подстроить пожар в общежитии.

В конце повествования, следуя кольцевой структуре романа, повествователь возвращается в настоящее время, и перед глазами читателя представляется итог становления Кармел (повествователя) в жизни, что является основной темой романа – место женщины в реальном мире. Повествователь проживает в дорогом загородном доме, она довольна жизнью, однако окружена одиночеством.

В следующем отрывке дано подробное описание стола, которым Кармел очень гордится:

“It is a blond table, a bland table, a table, which shows the great beauty of its natural wood, and my touch glides over it with a sensual assurance that I can never feel in the presence of another human being. I trace with my nail the lovely line of the wood’s exposed heart, its graceful curves like the fingerprints of those giants on whose shoulders we stand. I place my forefinger on the knots of the wood, those knots that, though they run against the grain, seem more satin-like, more glassy than the wood itself: I think of my life, and the lives of the women I knew, and I say, tapping softly, tapping decisively on the dark and swirling node, that is where we went wrong, just there, that is the very place” [9, p. 261].

«Это светлый стол, гладкий. Стол, который демонстрирует всю красоту дерева. Я прикасаюсь к его поверхности, и мои ощущения настолько ясны, что я начинаю убеждаться в том, что никогда еще я с такой ясностью не ощущала присутствие человека. Я слегка касаюсь восхитительных линий раскрытого нутра дерева, неповторимых в своей неправильности форм и напоминающих рисунки на пальцах титанов, плечи которых служат нам опорой. Мне нравится проводить пальцем по узелкам, соединяющим линии на природном рисунке дерева, которые кажутся мне атласными: я вспоминаю о событиях, произошедших в моей жизни, о женщинах, которых я знала, и я говорю себе, убежденная в своей правоте, постукивая по темному и скрученному узлу, я говорю: “Вот где мы сбились с пути, вот это место”».

Судя по отрывку, для повествователя стол являлся нечто большим, чем просто дорогой предмет мебели. Кармел уделяет внимание каждой детали столешницы: кривые линии, узелки описаны повествователем с любовью, нежностью и восхищением. Стол для нее – это что-то вроде книги, в которой описаны произошедшие с ней и близкими ей людьми события. Она дорожит этой вещью, в ней вся ее жизнь, именно поэтому для нее этот деревянный стол важнее всего на свете. Здесь мы можем рассмотреть название романа “An Experiment in Love”, которое можно перевести как «Уроки любви». Согласно повествователю романа, любить можно и шелковые одежды, и французские духи, и дорогие конфеты. Однако владеть такими вещами для повествователя не самоцель. Для Кармел это все – не слепое желание быть богатой, а необходимость ощущения вокруг себя таких вещей. Для нее дорогая вещь сравнима с человеком. Отсюда мы можем прийти к следующему выводу: главная героиня в конце романа хоть и живет одна в большом доме, все же она не одинока, она окружена дорогими ей вещами, которые хранят в себе отголоски прошлого и значимы для нее так же, как и люди.

Такое трепетное отношение повествователя к материальным вещам в какой-то степени было сформировано окружающими ее людьми: матерью, Кариной, Линетт. Это говорит нам о том, что точки зрения персонажей и повествователя действительно на всем протяжении повествования взаимодействуют между собой, налагая свои отпечатки друг на друга. Они также изменяются и формируются во времени и пространстве, составных элементов хронотопа. Являясь некой «внешней силой» по отношению к персонажам и повествователю, данная категория формирует и изменяет точки зрения с помощью внешних факторов (политические взгляды, культура и т.д.), которые также подвергаются изменениям с течением времени как главенствующего элемента хронотопа [1].

Список литературы

1. **Бахтин М. М.** Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html> (дата обращения: 10.02.2012).
2. **Кузнецова Е. В.** Сложность аксиологической позиции героев романа Ф. М. Достоевского «Идиот» [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 1. URL: www.gramota.net/materials/2/2009/1/28.html (дата обращения: 15.03.2012).
3. **Лотман Ю. М.** Анализ поэтического текста // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: монография. СПб.: Искусство – СПб, 1996. 846 с.
4. **Набережная З. Г.** Категория времени как один из элементов языковой картины мира [Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 10. URL: www.gramota.net/materials/1/2011/10/57.html (дата обращения: 15.03.2012).
5. **Николина Н. А.** Филологический анализ текста [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/205832/read> (дата обращения: 10.02.2012).
6. **Торон П. Х.** Хронотоп [Электронный ресурс]. URL: <http://diction.chat.ru/xronotop.html> (дата обращения: 14.02.2012).
7. **Трапезникова О. А.** Еще раз об образе автора и его смысловых коррелятах [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 2. URL: www.gramota.net/materials/2/2008/2/46.html (дата обращения: 15.03.2012).
8. **Шмид В.** Нарратология [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/shmid/02.php (дата обращения: 20.03.2012).
9. **Mantel H.** An Experiment in Love. L.: Harper Perennial, 2004. 266 p.

УДК 130.2:141.319.8(091)«196/198»(477-25)(470+571)

Культурология

Статья посвящена рассмотрению киевской мировоззренческо-антропологической школы философии, сформировавшейся в XX веке, но продолжающей вековые традиции украинского философствования. Акцент сделан на компаративном анализе развития культурологической проблематики в рамках российской философско-антропологической и украинской мировоззренческо-антропологической школ в 60-80-е гг. XX века.

Ключевые слова и фразы: деятельность; творчество; творческое начало личности; опыт; практика; жизненный мир человека; «мировоззренческо-антропологическая школа».

Литвин Яна Михайловна

*Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Украина
yasay_18@bigmir.net*

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРЫ КИЕВСКОЙ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛОЙ В 60-80-Е ГГ. XX ВЕКА[©]

Киевская мировоззренческо-антропологическая школа философии – явление почти что современной нам истории. Хотя киевская философия с особыми, характерными лишь для неё традициями, существовала и в XIX веке, и в начале XX века, только начиная с 1950-60-х годов, можно говорить о школе в полном значении этого слова. Именно в это время был заложен фундамент профессиональной отечественной философии, существующей по сегодняшний день.

Поскольку киевская мировоззренческо-антропологическая школа зарождалась и жила в общем пространстве марксистско-ленинской философии советского периода, в настоящее время она не является приоритетным предметом исследования, даже в области истории украинской философии. Однако, на наш взгляд, принадлежность киевской, как и московской, ленинградской, минской и других философских школ, определявших жизнь научного сообщества СССР и продолжающих в определённой мере определять жизнь постсоветских государств, к дискурсу официальной марксистской философии никоим образом не означает разрыва с предшествующей национальной традицией или неактуальности их идей для сегодняшней ситуации.

В 60-80-е годы в советской философии проблематика культуры становится особо актуальной. В Украине философское осмысление культуры дается учеными Института философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины, основанного в 1946 году. Именно там формируется мировоззренческо-антропологическая школа осмысления культурных проблем. Становление основных философско-мировоззренческих концептов советской культурологической школы началось в атмосфере политической «оттепели» 60-х годов. Смягчение политического климата способствовало созданию атмосферы творческого поиска, объективного подхода к анализу сложных явлений общественной жизни. Начинает смещаться главный акцент философствования от анализа объективных закономерностей, не зависящих от человека, на то, что осваивается им в процессе познавательной деятельности, и шире – на мировоззренческое осмысление мира. В результате предметом философских рассуждений становятся познавательные и мировоззренческие возможности субъекта, познавательные и ценностные ориентации человеческой жизнедеятельности.